

DANIEL NORD

НУЛЕВАЯ ЧАСТОТА

История не терпит сослагательного наклонения...?

Кишинёв, 1985 год

Припять, 1986 год

Daniel Nord

Нулевая частота

«Автор»

2026

Nord D.

Нулевая частота / D. Nord — «Автор», 2026

1985 год. В кишинёвском пионерлагере четверо подростков находят серую книгу, напечатанную в городе лишь через пять лет. Её страницы меняются сами, а между строк скрыта карта квеста: библиотеки, парки, институты, дворцы творчества и дверь, которой нет ни на одном плане. След приводит ребят к засекреченному проекту «Каскад» — системе, способной видеть цепочки ошибок раньше людей. Но одна из таких цепочек ведёт к ночи 26 апреля 1986 года и к Припяти — городу, который ещё живёт обычной жизнью: дети идут в школу, автобусы выходят на маршруты, а на станции заканчивается ночная смена. Можно ли предупредить катастрофу, не превратив предупреждение в приказ? И кто имеет право изменить историю: учёный, машина — или ребёнок, которому дали увидеть правду? Исторический технотриллер о тайне, дружбе, памяти и цене одной остановленной минуты. Книга с глубоким уважением посвящена памяти всех, кого затронула Чернобыльская катастрофа. Книга и иллюстрации созданы с помощью ChatGPT.

© Nord D., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дата , которой еще нет	5
Глава 2. Голос между станциями	9
Глава 3. Ложный каталог	14
Глава 4. Третий этаж	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Daniel Nord

Нулевая частота

Глава 1. Дата , которой еще нет

Июль 1985 года

Пионерский лагерь «Орбита», под Кишинёвом

Гроза пришла с Днестра без предупреждения.

Ещё минуту назад над лагерем висело густое, почти неподвижное тепло. Сосны на склоне стояли тёмные, неподвижные, будто нарисованные тушью на выгоревшем небе. Над столовой звенели ложки, из открытых окон доносился голос вожатой:

— Не бегаем по коридору! После отбоя — по палатам!

А потом дальний берег реки осветился белым разрезом молнии.

Мира Чебан вздрогнула и прижала к груди тетрадь в клетку.

— Ты боишься грозы? — спросил мальчишка в пионерском галстуке, стоявший рядом с ней под навесом.

Он был выше Мира на голову, худой, загорелый, с чёрными волосами, которые не слушались ни ветра, ни расчёски. На его запястье болтались часы «Электроника», а под мышкой он держал самодельный радиоприёмник в сером пластмассовом корпусе.

— Я боюсь людей, которые спрашивают глупости, — ответила Мира.

Мальчишка усмехнулся.

— Значит, не боишься. Я Тудор.

— Мира.

— Из Кишинёва?

Она кивнула.

— А я тоже. С Рышкановки. В радиокружок хожу. Ты на олимпиаду приехала?

— На конкурс юных техников. И в библиотеку.

— В библиотеку? В лагерь?

— Здесь тоже есть библиотека.

Тудор посмотрел на неё так, будто она сказала, что приехала в «Орбиту» ради картофельной запеканки из столовой.

— Ты странная.

— Ты тоже, — заметила Мира, кивнув на его радиоприёмник. — Нормальные люди во время грозы не таскают с собой провода.

— Это не провода. Это антенна.

— От этого объяснение стало ещё хуже.

С другой стороны навеса раздался короткий смех. Девочка в синем спортивном костюме, сидевшая на ступеньках, быстро отвернулась. У неё были светлые волосы, собранные в тугую косу, и лицо, слишком серьёзное для четырнадцати лет.

Рядом с ней стоял худой мальчик в очках. Он держал над головой раскрытую книгу, пытаясь защитить её от первых тяжёлых капель.

— Не смейся, Андрей, — сказала девочка. — Она права. Молния может ударить.

— Не в приёмник, — возразил Тудор. — Он выключен.

— Техника тоже иногда молчит перед тем, как сломаться, — тихо сказала девочка.

В тот же миг гром ударил так близко, что дрогнули стёкла в окнах столовой.

На площадке закричали младшие отряды. Вожатые бросились собирать детей. Кто-то уронил металлический поднос, и он покатился по плиткам, звеня, как тревожный колокол.

— Все в корпус! — крикнула вожатая Лариса. — Быстро! Старшие, помогите малышам!

Толпа рванулась к дверям. Мира отступила, пропуская двух девочек с мокрыми косичками, и увидела, как ветер подхватил листок из чьей-то тетради. Бумага взлетела вверх, перевернулась и прилипла к мокрому стеклу.

На листке было написано одно число:

1990.

Мира моргнула.

Когда она подошла ближе, листок уже исчез. Его сорвал дождь или унесло ветром. Но число почему-то осталось в памяти — чёрное, ровное, слишком отчётливое.

— Ты идёшь? — спросил Тудор.

— Да.

Однако в корпус они не пошли.

Вожатая Лариса, пересчитывая младших, махнула рукой в сторону маленького одноэтажного здания у сосен:

— Мира, ты же библиотечный актив? Забери ключи у Ольги Сергеевны. Она просила закрыть окна, пока всё не залило!

Мира кивнула. Ей нравилось, когда взрослые поручали ей такие дела. В библиотеке всегда было проще дышать. Там не нужно было соревноваться, кричать речёвки, объяснять, почему ты не хочешь танцевать на вечерней дискотеке. Достаточно было провести пальцем по корешкам книг — и ты попадала в мир, где всё уже случилось, но ещё не закончилось.

Её мать работала в Государственной библиотеке имени Н. К. Крупской. В детстве Мира часто сидела у неё в служебной комнате, слушая, как за стеной шуршат карточки каталогов. Мама говорила:

— Любая книга — это дверь. Только не каждая дверь ведёт туда, куда обещает.

Тогда Мира думала, что это просто красивая фраза.

Теперь, под ливнем, она почему-то вспомнила её дословно.

— Мы поможем, — сказал Тудор.

— Кто это «мы»? — спросила Мира.

— Мы, — ответила светловолосая девочка, поднимаясь со ступенек. — Я Лида.

— Андрей, — добавил мальчик в очках. — Он не отстанет, пока не увидит, какие там замки.

Тудор сделал вид, что обиделся.

— Я проверяю надёжность помещений.

— Ты проверяешь, можно ли в них залезть, — сказала Лида.

Они пробежали через мокрую площадку. Ветер гнал по земле листья, обрывки газет и красные лепестки от клумбы возле линейки. У библиотеки пахло сырой штукатуркой, мокрыми соснами и старой бумагой.

Ольга Сергеевна, библиотекарь лагеря, ждала их на крыльце. Невысокая, седая, в тёмном кардигане поверх летнего платья, она держала ключи так крепко, словно боялась, что ветер вырвет их из руки.

— Только ничего не трогать, — сказала она Мире. — Закройте окна, проверьте дверь в книгохранилище и сразу уходите. Свет может погаснуть.

— А зачем книгохранилище на замке? — спросил Тудор.

Ольга Сергеевна посмотрела на него.

— Потому что там книги.

— Логично, — пробормотал он.

— И потому что некоторые из них никто не должен брать без разрешения.

Мира заметила, как Лида быстро взглянула на библиотекаря.

— Какие, например? — спросил Андрей.

Ольга Сергеевна помедлила.

— Те, которые ещё не пришло время читать.

Она отдала Мире связку ключей и ушла под дождь, сутулясь сильнее, чем прежде.

Внутри библиотеки было сумрачно. Лампочка под зелёным абажуром мигнула, засветилась и снова погасла. В окна бил дождь. На полках стояли тома «Детской энциклопедии», «Техника — молодёжи», «Юный техник», собрания Жюль Верна и Александра Беляева, потрёпанные книги о космосе, подводных лодках, дешифровщиках и великих путешественниках.

Тудор сразу направился к дальнему окну.

— Здесь сквозняк.

— Ты говоришь как старик, — заметила Лида.

— Старики много знают.

— Старики много молчат, — ответила она.

Мира посмотрела на Лиду внимательнее. Та стояла, скрестив руки на груди, и не сводила глаз с двери в книгохранилище.

— Ты из Припяти? — спросила Мира.

Лида кивнула.

— Там правда всё построено вокруг станции?

— Не всё. Там ещё река, лес и дома. И школа. И кинотеатр. И люди.

В её голосе прозвучало раздражение — не на Миру, а на вопрос, который она слышала слишком часто.

— Мой папа говорит, что у вас самый молодой город в Союзе, — сказал Андрей.

Лида опустила взгляд.

— Мой папа говорит, что у каждого нового города есть цена. Просто не все хотят её видеть.

На мгновение в библиотеке стало так тихо, что все услышали, как в крыше стучит дождь.

Потом погас свет.

Тудор выругался вполголоса.

— Не ругайся, — сказала Мира.

— Я не ругаюсь. Я констатирую неполадки в электроснабжении.

Он достал из кармана маленький фонарик. Узкий луч света скользнул по корешкам книг, по столу библиотекаря, по плакату с улыбающимся Гагариным.

Дверь в книгохранилище оказалась не заперта.

Мира сразу это почувствовала: ключ в её руке не подошёл бы к скважине, потому что скважина была пуста. Вместо неё в деревянной двери темнела свежая царапина, будто кто-то недавно выломал замок тонким инструментом.

— Ольга Сергеевна сказала закрыть дверь, — прошептала она.

— Значит, сначала надо понять, почему она открыта, — ответил Тудор.

— Нет, — твёрдо сказала Мира. — Сначала надо позвать взрослого.

— И сказать: «Здравствуйте, тут, возможно, кто-то лазил в книгохранилище, но мы ничего не видели»? — спросил Андрей.

— Именно так.

Лида сделала шаг вперёд.

— А если он всё ещё там?

Тудор поднял фонарик.

Дверь медленно скрипнула.

Книгохранилище оказалось совсем маленьким. Шкафы стояли вплотную друг к другу. На верхних полках лежали списанные учебники, старые подшивки газет, коробки с диафильмами. В углу темнел железный шкаф, выкрашенный серой краской.

На дверце шкафа белела бумажная наклейка:

СПИСАНО. 1984.

— Не трогай, — сказала Мира.

Но Тудор уже наклонился.

На полу перед шкафом лежала тонкая книжка в серой обложке. Не журнал, не школьная брошюра, не том из серии «Знание». Бумага была странно гладкой, будто её только что вынули из печатной машины. На обложке не было рисунка. Только название, напечатанное чёрными буквами:

НУЛЕВАЯ ЧАСТОТА

Хроника непринятого решения

Мира взяла книгу первой.

Она была холодной.

Не прохладной от сырости, а холодной так, словно её несколько часов держали в морозильной камере. Мира едва не выронила находку.

— Что там? — спросил Андрей.

Она открыла первую страницу.

Титульный лист был почти пустым.

Внизу стояли город и год:

Кишинёв. 1990.

— Этого не может быть, — тихо сказал Тудор.

— Почему? — спросила Лида, хотя её губы побледнели.

— Потому что сейчас 1985-й.

Вдали снова ударил гром.

Чернила на странице дрогнули.

Мира подумала, что ей показалось. Она наклонилась ниже. Буквы под её пальцами начали расплываться, будто бумага впитывала воду. Потом исчезли.

На чистом листе медленно проступила новая строка.

Никто не произнёс её вслух сразу.

И только когда за окнами библиотеки вспыхнула молния, Мира прочитала:

Ищите поэта, который смотрит на площадь, где победа ещё не знает своего имени.

Глава 2. Голос между станциями

Июль 1985 года

Пионерский лагерь «Орбита», под Кишинёвом

21:43

Никто не произнёс ни слова.

Строка на белой странице казалась слишком чёткой — словно её не напечатали, а выжгли тонкой иглой света:

Ищите поэта, который смотрит на площадь, где победа ещё не знает своего имени.

За окнами библиотеки ревел дождь. Молния осветила книжные полки, и на мгновение Мира увидела всё с мучительной ясностью: облезлую зелёную краску на подоконнике, стёртый край ковра, мокрые волосы Тудора, тревожные глаза Лиды.

Потом тьма снова сомкнулась вокруг них.

— Это кто-то написал фосфорной краской, — первым сказал Тудор.

Но голос его звучал неуверенно.

— На бумаге? — спросил Андрей. — Фосфор светится, а буквы... они появились.

— Значит, химическая реакция.

— Какая?

Тудор открыл рот, но ответа не нашёл.

Мира провела пальцем над страницей, не касаясь её. От книги тянуло холодом, как от металлического поручня зимой. Она знала этот холод. Так пахли старые подвалы библиотеки имени Крупской, куда мама иногда спускалась за редкими изданиями. В детстве Мира боялась тех подвалов: казалось, между шкафами с книгами кто-то дышит, тихо перелистывая страницы.

— Поэт — это Пушкин, — сказала она.

— В Кишинёве много поэтов, — возразил Андрей. — Есть Эминеску, есть Котошка... и вообще, может, это не про памятник.

— Но у Пушкина есть парк, — сказала Мира. — И бюст.

— А площадь Победы рядом с парком, — добавил Тудор.

Лида посмотрела на строку.

— «Где победа ещё не знает своего имени»... Это что значит?

— Может, площадь раньше называлась по-другому? — предположил Андрей.

— Или будет называться по-другому, — тихо ответила Мира.

Эти слова прозвучали страшнее грома.

Дверь библиотеки распахнулась.

— Дети! — крикнула из коридора Ольга Сергеевна. — Вы там? Свет дали?

Мира захлопнула книгу. Станный холод исчез, но сердце продолжало биться быстро, будто она только что пробежала весь лагерный стадион. Она сунула серую обложку под ветровку.

Тудор заметил это и едва заметно кивнул.

— Мы закрыли окна! — громко ответила Мира.

— Хорошо. Быстро в корпус. Отбой через десять минут!

Они вышли из библиотеки молча.

Дождь почти закончился. Над мокрыми соснами поднимался запах хвои, земли и тёплого камня. Лагерь постепенно оживал: в корпусах зажигался свет, кто-то смеялся, по дорожке пробежали мальчишки в одинаковых спортивных костюмах. Всё было таким обычным, что Мира вдруг почувствовала злость.

Мир не имел права выглядеть обычным после того, как книга из 1990 года заговорила с ними.

— В радиорубке через двадцать минут, — сказал Тудор.

— После отбоя? — Лида подняла брови.

— До отбоя. Я скажу, что проверяю аппаратуру для завтрашней линейки.

— А мы? — спросил Андрей.

— Вы скажете, что помогаете мне не сломать аппаратуру.

— Это будет неправдой, — заметила Мира.

— Поэтому и работает.

Радиорубка располагалась в маленьком деревянном домике рядом с клубом. Днём оттуда звучали пионерские песни, объявления о зарядке и сводки погоды. Ночью она казалась чужой: в тёмных окнах отражались сосны, а на дверце висел выцветший плакат с улыбающимся Гагариным.

Тудор уже сидел за столом.

Перед ним лежал разобранный радиоприёмник, пачка батареек «Крона», несколько медных проводов и номер журнала «Техника — молодёжи» с загнутыми страницами.

— Смотри, — сказал он, не поднимая головы. — Если тот сигнал был настоящим, он должен где-то повториться.

— А если это был не сигнал? — спросил Андрей.

— Тогда я потеряю двадцать минут жизни и узнаю, что мир ещё не сошёл с ума.

— Успокаивающе, — сказала Лида.

Тудор включил приёмник.

Из динамика вырвался сухой треск. Он медленно поворачивал колёсико настройки, и эфир переливался голосами: где-то играла музыка, диктор читал новости, потом на мгновение послышалась молдавская песня — высокая, протяжная, будто ветер проходил по виноградникам.

Мира вспомнила, как летом бабушка водила её в парк имени Пушкина. Тогда ей было семь. На аллеях пахло липой, возле фонтана стояли дети с мороженым, а бабушка держала Миру за руку и рассказывала:

— Пушкин здесь был молодой, злой и одинокий. Иногда человеку нужно оказаться далеко от дома, чтобы понять, что он ищет.

Тогда Мира не поняла. Теперь ей вдруг показалось, что бабушка говорила не о поэте. Треск в динамике оборвался.

Наступила тишина.

Не обычная тишина выключенного радио, а плотная, глубокая. Будто приёмник поймал не пустоту, а комнату без людей.

Тудор нахмурился.

— Что? — шепнула Мира.

Он не ответил. Повернул ручку ещё на миллиметр.

Динамик щёлкнул.

Раз.

Пауза.

Два.

Пауза.

Три.

Три коротких, одинаковых щелчка. Затем длинный шорох, похожий на дыхание человека, который стоит очень близко к микрофону.

— Это Морзе? — спросил Андрей.

— Нет, — сказал Тудор.

Щелчки повторились.

Раз. Два. Три.

Тудор торопливо достал карандаш и начал записывать точки в тетрадь.

— Но может быть, это... — начала Лида.

— Нулевая частота не передаётся по радио, — перебил Тудор. — Ноль герц — это постоянный ток. Его нельзя поймать антенной. Это написано в «Юном технике». Если кто-то передаёт на нулевой частоте, значит...

— Значит, кто-то передаёт не по радио, — закончила за него Мира.

В этот момент лампа над столом погасла.

Комната исчезла.

Мира не успела закричать. Ей показалось, что пол уходит из-под ног, а воздух становится белым, холодным и беззвучным.

Перед ней была дверь.

Гладкая белая дверь без ручки, без петель, без замочной скважины. За ней не существовало ни лагеря, ни дождя, ни Днестра. Только ровный свет и далёкий ритм:

Раз. Два. Три.

Она увидела Лиду — не рядом, а как будто в отражении мутного стекла. У Лиды были закрыты глаза, а на губах застыл страх.

Андрей стоял перед дверью и шептал:

— Не открывай. Не открывай...

Тудора не было видно. Но откуда-то издалека доносился его голос:

— Это не сигнал. Это ответ.

Белая дверь дрогнула.

На ней появилась тонкая чёрная линия. Потом ещё одна. Они складывались в цифры.

1:23

Мира проснулась от того, что Тудор тряс её за плечо.

— Ты слышишь меня? Мира!

Лампа снова горела. Радиоприёмник молчал. Андрей сидел на полу у стены, прижимая ладонь к виску. Лида стояла возле окна, бледная, с мокрыми волосами у лица.

— Что произошло? — спросила Мира.

Никто не ответил сразу.

— Я видел дверь, — тихо сказал Андрей.

Лида закрыла глаза.

— И цифры.

Тудор медленно перевернул тетрадь. На странице, где он записывал щелчки, поверх точек и тире проступили четыре цифры, написанные чужой ровной рукой:

1990.

Утром лагерь пах манной кашей, мокрыми простынями и свежими булками.

В столовой гремели алюминиевые ложки. Вожатая Лариса стояла у входа, поправляя пионерский галстук младшему мальчику, а за окнами солнце пыталось пробиться сквозь тучи. Казалось, ночной грозы не было.

Мира почти не притронулась к завтраку.

Книга лежала у неё под матрасом, завёрнутая в старую наволочку. Ночью она просыпалась три раза — ей чудилось, что из-под кровати светит белая полоска.

— Сегодня экскурсия в Кишинёв, — сказала Лариса, проходя между столами. — Проспект Ленина, парк имени Пушкина, площадь Победы. После обеда всем быть в парадной форме. Белые рубашки, галстуки, девочкам — аккуратные причёски.

Тудор посмотрел на Миру.

— Удобно, — прошептал он.

— Слишком удобно, — ответила она.

Лида сидела напротив и медленно размешивала сахар в чае.

— Если книга знала, что мы поедем в город...

— Она не могла знать, — сказал Андрей.

— Она из 1990 года, — напомнила Лида. — Ей можно многое.

После обеда лагерь выстроили у ворот. Девочки поправляли белые воротнички, мальчики украдкой расстёгивали верхние пуговицы рубашек. У дороги ждал бело-зелёный автобус ЛАЗ. Водитель, широкоплечий мужчина в кепке, курил у открытой двери и слушал маленький транзистор.

Кишинёв встретил их влажным блеском улиц.

После лагерных сосен город казался огромным. По проспекту Ленина шли троллейбусы, звенели двери, на остановках стояли женщины с авоськами. Возле витрин люди прятались от редкого дождя. Между белыми зданиями тянулись зелёные кроны каштанов, лип и акаций.

Когда автобус подъехал к площади Победы, Лида прижалась лбом к стеклу.

— Какая она большая, — сказала она.

— Ты не была в Кишинёве? — спросила Мира.

— Была. Но маленькой. Тогда всё казалось ещё больше.

Экскурсовод рассказывала о Доме правительства, о памятниках, о том, каким красивым становится город весной. Но Мира слушала вполуха. За стеклом мелькнули ворота парка, влажные дорожки, тёмные деревья.

Парк имени Пушкина.

Поэт.

Площадь.

Победа.

Когда группе дали двадцать минут свободного времени у фонтана, Тудор отвлёк Ларису вопросом о расписании троллейбусов. Андрей остался рядом с ним. Мира и Лида быстро пошли по аллее к бюсту Пушкина.

После дождя парк был почти пуст. На мокрых скамейках блестели капли. В лужах отражались белые облака, а между деревьями виднелась широкая площадь с редкими машинами — «Волгами», «Жигулями», грузовиком с брезентовым кузовом.

Бюст стоял на гранитном постаменте, чуть в стороне от дорожки.

Пушкин смотрел вверх аллея — туда, где за деревьями угадывалась площадь Победы.

— Вот он, — прошептала Мира.

Лида не ответила. Она смотрела не на бюст, а на основание постаamenta.

— Здесь недавно что-то было, — сказала она.

В узкой щели между гранитом и плиткой темнел кусочек металла.

Мира опустила на колени. Пальцы дрогнули, когда она коснулась находки.

Это была маленькая круглая пластинка, тонкая, как монета. На одной стороне кто-то процарапал символ: круг, пересечённый вертикальной линией, и три короткие дуги над ним — будто радиоволны.

На другой стороне было выбито всего четыре слова:

КАТАЛОГ УМЕЕТ ЛГАТЬ.

Мира подняла голову.

На противоположной стороне улицы стояла чёрная «Волга». За её запотевшим стеклом сидел мужчина в сером плаще.

Он не двигался.

Он просто смотрел на неё.

А в кармане Мира холодная книга вдруг стала тяжелее — словно внутри неё перевернулась ещё одна страница.

Глава 3. Ложный каталог

Утро в «Орбите» начиналось с горна.

В семь ровно над лагерем взлетела знакомая медная трель — бодрая, требовательная, не оставлявшая человеку права ни на сон, ни на тайну. За окнами корпусов уже светило солнце. Ночью дождь вымыл дорожки между клумбами, и мокрые листья орехов блестели так ярко, словно их покрыли тонким слоем стекла.

Мира открыла глаза прежде, чем горн умолк.

Книга лежала под матрасом.

Она не спала почти до рассвета, то и дело нащупывая ладонью твёрдый корешок. Серый переплёт казался холоднее простыни и словно хранил внутри чужое дыхание. Вчера она прочла одну-единственную строчку:

Ищите поэта, который смотрит на площадь, где победа ещё не знает своего имени.

А сегодня у неё в кармане лежал латунный диск, найденный у памятника Пушкину.

КАТАЛОГ УМЕЕТ ЛГАТЬ.

Мира села, прислушалась. Лида спала на соседней кровати, свернувшись клубком; светлая коса выбилась из-под одеяла и свисала почти до пола. Остальные девочки в комнате ворчали, шарили под подушками в поисках резинок для волос, спорили, кто первым пойдёт к умывальникам.

Мира осторожно достала диск.

В косом солнечном свете на его поверхности снова проступили окружности — будто волны, расходящиеся от невидимого камня. Она уже знала, что в центре знака скрывается маленькая точка. Ноль. Начало или пустота.

— Ты его всю ночь гладила? — сонно спросила Лида.

Мира вздрогнула.

— Не гладила.

— Гладила. — Лида приподнялась на локте. — У тебя такое лицо, когда ты боишься. Как вчера, когда та «Волга» стояла у парка.

— Она могла ждать кого угодно.

— Конечно. — Лида усмехнулась, но её серые глаза остались серьёзными. — А мужчина в машине смотрел куда угодно, только не на нас.

Мира не ответила.

Снаружи зазвенело ведро, кто-то из мальчишек крикнул, что в умывальнике опять нет холодной воды. Лагерь просыпался шумно, привычно, почти счастливо. От столовой уже тянуло сладкой манной кашей и свежим хлебом. На спортивной площадке вожатый Валера строил младший отряд, и дети, ещё не успевшие завязать галстуки, нестройно отвечали:

— Всегда готовы!

Эта обычность вдруг показалась Мире хрупкой.

Будто всё вокруг — красные галстуки, линейки, белые рубашки, песни из репродуктора, мокрые дорожки лагеря — держалось на тонкой нитке. А кто-то невидимый уже поднёс к ней ножницы.

Тудор ждал их за корпусом, у старой беседки, где по вечерам пели под гитару и прятались от вожатых курильщики из старших отрядов. На нём была белая рубашка с закатанными рукавами, тёмные брюки и галстук, завязанный так небрежно, что красный треугольник почти спрятался под воротником.

Андрей стоял рядом, прижимая к груди тонкую тетрадь в клетку. Он выглядел так, словно за ночь вырос ещё на несколько сантиметров: худой, угловатый, с тёмными кругами под глазами за очками.

— Ты тоже не спал? — спросила Мира.

— Немного.

— Слушал радио? — поинтересовался Тудор.

Андрей покачал головой.

— Мне снилось, что я иду по коридору. Белому. Там нет ни дверей, ни окон. Только в конце... — Он замолчал.

— Дверь, — тихо сказала Лида.

Андрей посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?

Лида опустила глаза.

— Потому что мне тоже снилось.

Несколько секунд никто не говорил.

С деревьев падали тяжёлые капли. Вдалеке, за лагерной оградой, прошёл грузовик; мотор глухо отозвался среди виноградников.

Тудор первым нарушил молчание:

— Ладно. Значит, нас четверых это касается. И, наверное, надо перестать делать вид, будто нет.

Он протянул руку.

— Показывай диск.

Мира положила латунный круг на скамью. Тудор вынул из нагрудного кармана короткий карандаш и стал водить грифелем по бумаге, положенной сверху. Постепенно на листе проступил рельеф: круги, знак, почти незаметная насечка по краю.

— Вот, — сказал он.

Вдоль внутреннего обода появились цифры.

32.81

— Это не частота, — заметил Андрей. — Не герцы. Слишком странная запись.

— А что тогда? — спросила Мира.

Тудор смотрел на цифры с таким выражением, словно видел их не впервые.

— Вчера я думал, что это номер радиодиапазона. Но ночью вспомнил книжный шкаф у дедушки. Он работал в школе, преподавал физику. На всех книгах стояли такие дробные числа.

— Библиотечные индексы, — сказала Мира.

— Точно.

Лида нахмурилась.

— И что означает тридцать два восемьдесят один?

— Не знаю. Но у твоей мамы библиотека, — ответил Тудор, глядя на Миру. — А нам сказали, что каталог умеет лгать.

Мира хотела возразить. Сказать, что это глупость; что её мать не позволит четырём подросткам рыться в служебных ящиках; что книги из будущего не появляются в летних лагерях; что чёрные «Волги» не следят за пионерами.

Но вместо этого она вспомнила вчерашний взгляд мужчины за лобовым стеклом.

И произнесла:

— Сегодня родительский день. Мама обещала приехать после обеда.

К полудню солнце высушило дорожки и поднялось над лагерем белым горячим диском. После завтрака были зарядка, линейка, уборка территории и занятия по отрядам. Вожатая Ирина Павловна рассказывала о дружбе народов СССР, рисуя мелом на доске контур огромной страны. Тудор сидел на последней парте и, прикрыв тетрадь учебником, выписывал на полях цифры с латунного диска.

Андрей вместо конспекта нарисовал дверь.

Мира заметила это, когда проходила мимо.

Дверь была без ручки.

Под ней стояла дата: **26.04.86**.

— Что это? — прошептала она.

Андрей торопливо закрыл тетрадь.

— Не знаю.

— Ты сам написал.

— Я знаю, что написал. Не знаю, почему.

Его голос прозвучал резче, чем он хотел. Андрей тут же отвернулся к окну.

Мира видела его таким всего один раз — вчера ночью, когда в радиорубке из динамика донёсся тихий, нечеловечески ровный голос. Тогда Андрей побледнел и вцепился в край стола, будто услышал не звук, а собственное имя.

— Извини, — сказала Мира.

Он кивнул, не глядя на неё.

— У меня папа всегда говорил, что числа сами по себе не страшные, — тихо произнёс Андрей. — Страшно, когда люди знают, что они значат, и молчат.

— Твой папа математик? — спросила Лида.

— Нет. Он инженер. Работает на заводе в Киеве. — Андрей помолчал. — Когда я был маленьким, я боялся грозы. Он говорил: «Молния — это просто разряд. Она становится опасной, когда ты стоишь не там, где должен».

Тудор поднял взгляд от тетради.

— Умно.

— Он часто говорит умно, — усмехнулся Андрей. — Особенно когда хочет, чтобы я не задавал лишних вопросов.

Елена Павловна Чебан приехала в лагерь в третьем часу.

Мира увидела её издалека, у калитки: светлое платье в мелкий синий узор, белая сумка через плечо, собранные на затылке волосы. В руках у матери была авоська с абрикосами,

домашними плациндами и банкой вишневого компота, которую она бережно несла, завернув в полотенце.

Она казалась такой обычной, такой родной, что Мира едва не выбежала ей навстречу и не сказала всё сразу.

Про серую книгу.

Про дату 1990.

Про «Волгу».

Про голос в радиоприёмнике.

Но слова застряли в горле.

— Худющая стала, — сказала Елена Павловна, обнимая дочь. — Ты здесь вообще ешь?

— Ем.

— Это не ответ. Где тарелка? Где каша? Где котлета?

— Мама...

— Всё, молчу. — Она улыбнулась. — Познакомишь с друзьями?

Тудор поздоровался первым — слишком официально, почти по-взрослому. Андрей снял очки, протёр их платком и снова надел. Лида протянула руку, как делала, когда волновалась.

— Лида Савченко. Я из Припяти.

Елена Павловна внимательно посмотрела на неё.

— Из молодого города, значит?

— Да. Там дома все одинаковые пока, — ответила Лида. — Но папа говорит, что когда деревья вырастут, будет очень красиво.

В её голосе прозвучала такая уверенность, что Мира сразу представила этот незнакомый город: прямые улицы, высокие дома, белые балконы, речной ветер. Лида рассказывала о Припяти редко, но каждый раз — будто защищала его от кого-то.

— А папа кем работает? — спросила Елена Павловна.

— Инженером. На станции.

Мира заметила, как Лида после этих слов чуть расправила плечи.

Ей нравилось произносить: *на станции*. Словно в этих двух словах заключалась взрослая, важная жизнь, в которую нельзя было впустить случайного человека.

— Мама, — быстро сказала Мира, пока разговор не ушёл в сторону. — Можно нам с тобой в библиотеку?

— В библиотеку? Сегодня?

— Там есть один индекс. Надо посмотреть, что он означает.

Елена Павловна улыбнулась:

— Вот до чего дошла моя дочь. Другие дети просят мороженое, а эта — индекс.

— Мороженое тоже можно, — вставил Тудор.

Мира бросила на него взгляд.

— Мы ненадолго, — продолжила она. — Правда. Нам нужно узнать про 32.81.

Мать перестала улыбаться.

— Откуда у вас этот номер?

— Нашли.

— Где?

Мира медлила всего секунду.

Но Елена Павловна работала с книгами пятнадцать лет. Она знала, как выглядит человек, который решил сказать не всю правду.

— В городе, — ответила Мира. — В парке.

Мать посмотрела на каждого из них по очереди. Потом перевела взгляд на корпус, где за открытыми окнами шумели дети.

— Ирина Павловна разрешит?

— Вы нас заберёте и привезёте обратно, — быстро сказал Андрей. — Мы не одни.
Елена Павловна вздохнула.

— Двадцать минут в каталожном зале. Не больше. И ничего не трогать без разрешения.
Особенно ты, Мирочка.

— Почему особенно я?

— Потому что ты моя дочь.

Они ехали в город в старом жёлто-красном автобусе, сидя на жёстких сиденьях и стараясь не смотреть друг на друга слишком часто. За окнами тянулись виноградники, акации, редкие дома с шиферными крышами. Потом показались широкие улицы Кишинёва, троллейбусные провода, светлые фасады, магазины с длинными очередями у дверей.

Город жил летним послеобеденным ритмом.

У остановки стояли женщины с сетками; из булочной пахло свежим хлебом и ванилью; по проспекту медленно прошёл голубой троллейбус, гремя штангами по проводам. На перекрёстке милиционер в белых перчатках регулировал поток машин: «Жигули», грузовой ГАЗ, зелёный автобус, белая «Волга» с молодожёнами на заднем сиденье.

Мира смотрела на город, который знала всю жизнь, и не узнавала его.

Каждое окно теперь могло скрывать наблюдателя.

Каждая машина — остановиться рядом.

Каждая библиотечная карточка — солгать.

Государственная библиотека Молдавской ССР имени Н. К. Крупской встретила их прохладой, запахом старой бумаги и натёртого паркета. За высокими окнами дрожал полуденный свет. В вестибюле висели портреты писателей, строгие плакаты о бережном отношении к книге и объявление, отпечатанное на машинке:

Тишина — уважение к труду читателя.

Елена Павловна провела ребят мимо гардероба.

— Сумки сюда. Тетради можно оставить. И ведите себя так, будто умеете читать не только приключенческие романы.

— Я умею, — пробормотал Тудор.

— Тогда сегодня докажешь.

Каталожный зал оказался больше, чем ожидала Мира. Ряды длинных деревянных шкафов тянулись вдоль стен; каждый состоял из десятков узких ящичков с круглыми металлическими ручками. На них были наклеены аккуратные белые ярлыки с цифрами и буквами.

Это выглядело не как зал библиотеки.

Как огромная машина.

Тысячи карточек. Тысячи названий. Тысячи человеческих мыслей, рассортированных по ячейкам.

— Ну? — спросила Елена Павловна.

Мира положила перед ней диск.

Мать взяла его, надела очки, приблизила к глазам. Её лицо изменилось.

— Где вы это взяли?

— У памятника Пушкину, — ответила Мира.

— Кто ещё видел?

— Никто.

— Это точно?

Тудор и Андрей переглянулись.

— Почти никто, — сказал Тудор.

Елена Павловна медленно подняла глаза.

— Что значит «почти»?

— Там была «Волга», — вмешалась Лида. — Чёрная. Мужчина смотрел на нас. Мать на секунду закрыла глаза.

— Дети... — произнесла она так тихо, что Мира едва расслышала. — Вы даже не понимаете, во что можете влезть.

— А вы понимаете? — спросила Мира.

Елена Павловна посмотрела на дочь.

В её взгляде мелькнуло что-то похожее на испуг. Не раздражение взрослого, которому надоели детские фантазии. Настоящий страх.

— Я понимаю достаточно, чтобы сказать: после того, как вы узнаете значение индекса, вы забудете об этой находке.

— Нет, — сказал Тудор.

Мать перевела взгляд на него.

— Простите?

— Мы не сможем забыть. Уже не сможем.

Елена Павловна хотела ответить, но не успела.

Из-за соседнего стола поднялась пожилая женщина в тёмно-зелёном платье. Её седые волосы были собраны в тугий пучок, а на груди висела цепочка с читательским пропуском.

— Лена, что за шум? — спросила она. — У нас здесь не вокзал.

— Анна Николаевна...

— Здравствуйте, Анна Николаевна, — хором сказали ребята.

Женщина кивнула. Потом увидела диск.

И побледнела.

— Дайте-ка.

Елена Павловна неохотно передала ей находку.

Анна Николаевна долго рассматривала цифры, провела пальцем по окружностям, перевернула диск. Затем подошла к каталогу и остановилась у ящика с табличкой:

32.81 — КИБЕРНЕТИКА. ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА.

— Я думала, их давно не осталось, — сказала она.

— Чего не осталось? — спросила Мира.

— Таких меток.

Анна Николаевна выдвинула ящик.

Внутри стояли сотни карточек. Белые, жёлтые, сероватые от времени. На одних были фамилии авторов, на других — названия книг и журналов: «Основы кибернетики», «Электронные вычислительные машины», «Проблемы передачи информации».

Тудор наклонился так близко, что очки Андрея чуть не съехали с носа.

— А почему метка круглая? — спросил он. — Это ведь не библиотечный знак.

— Не библиотечный, — ответила Анна Николаевна. — Когда-то это был условный знак одного научного кружка. Они называли себя «Каскадом». Работали при Институте математики и Вычислительном центре Академии наук.

— Что они изучали? — спросила Лида.

Женщина медлила.

— Системы.

— Какие?

— Все, какие можно представить. Электросети. Транспорт. Связь. Управление городом. Поведение людей в чрезвычайных ситуациях.

Андрей тихо повторил:

— Поведение людей...

Анна Николаевна достала карточку почти с самого дна ящика.

Она отличалась от остальных. Бумага была плотнее, а машинописные буквы — темнее, словно их отпечатали сильным ударом.

ВОЛЬСКИЙ ИОН КИРИЛЛОВИЧ.

«МОДЕЛЬ НУЛЕВОГО РЕШЕНИЯ». Рукопись.

Кишинёв, 1985.

Для служебного пользования.

Мира почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Кто это? — спросила она.

Анна Николаевна не ответила.

— Книга есть? — спросил Тудор.

— Нет, — сказала Елена Павловна. — Такой книги в фонде нет.

— Но карточка есть, — возразил он.

— Именно поэтому каталог умеет лгать, — тихо произнесла Анна Николаевна.

Она перевернула карточку.

На обороте карандашом были выведены цифры:

43-33-32-41-11-32-32-53-24

И внизу — один короткий знак: круг с точкой в центре.

— Шифр, — сказал Андрей.

— Или номер хранения, — заметила Мира.

— Нет, — Тудор уже достал тетрадь. — Это координаты.

— Откуда ты знаешь? — спросила Лида.

— В «Технике — молодёжи» была статья. Про древние шифры. Таблица, где каждой букве соответствуют два числа: строка и столбец.

Он быстро начертил на листе прямоугольник, разделил его на клетки и стал вписывать буквы русского алфавита.

— Сначала первый ряд: А, Б, В, Г, Д, Е. Потом второй...

— Ты это помнишь? — недоверчиво спросила Мира.

— Я не помню, где лежат носки. Зато помню полезные вещи.

Анна Николаевна наблюдала за ним с тем же выражением, с каким взрослые иногда смотрят на ребёнка, неожиданно заговорившего голосом старше собственного возраста.

Тудор провёл карандашом по числам.

— Сорок три — «Ф». Тридцать три — «О». Тридцать два — «Н». Сорок один — «Т»...

Лида наклонилась ближе.

— «ФОНТАННЫЙ», — прочитала она.

Тудор кивнул.

— Фонтанный переулок.

Мира первой вспомнила адрес.

— Дворец пионеров, — сказала она. — Фонтанный, восемь «а».

Анна Николаевна резко закрыла ящик каталога.

Звук получился громче, чем должен был. Несколько читателей обернулись.

— Эту карточку вы не видели, — сказала она.

— Но она привела нас туда, — возразила Мира.

— Именно поэтому туда вам нельзя.

— Почему?

Пожилая библиограф положила ладонь на карточку Вольского. Тонкие пальцы дрожали.

— Потому что Ион Вольский однажды уже привёл туда детей.

— Каких детей? — спросила Лида.

Анна Николаевна посмотрела на неё долгим взглядом.

— Очень умных. Очень любопытных. Они думали, что помогают взрослым искать ответы. А потом один мальчик перестал разговаривать. Девочка исчезла из школы вместе с родителями. А сам Вольский... — Она замолчала.

— Что с ним стало? — спросил Андрей.

— Официально? Он уехал в Москву работать над закрытым проектом.

— А неофициально? — тихо спросил Тудор.

Елена Павловна резко повернулась к нему:

— Довольно.

Но Анна Николаевна всё же ответила.

— Неофициально он не уехал никуда.

В каталожном зале стало слишком тихо.

Мира слышала, как где-то в глубине здания перелистывают страницы. Как у окна скрипит стул. Как за стеклом проходит троллейбус и коротко звенит.

Анна Николаевна вынула из ящика ещё одну карточку, совсем маленькую, без названия.

На ней была только фраза, напечатанная бледной лентой машинки:

КАСКАД НАЧИНАЕТСЯ НЕ С ПАДЕНИЯ.

ОН НАЧИНАЕТСЯ С РЕШЕНИЯ, КОТОРОЕ НИКТО НЕ ЗАХОТЕЛ ПЕРЕПРОВЕРИТЬ.

Лида побледнела.

— Это про станцию, — сказала она.

— Про любую систему, — возразил Андрей.

Лида покачала головой.

— Нет. Мой папа так говорит. Почти так же. Он говорит, что в энергетике опасна не одна ошибка. Опасно, когда одна ошибка заставляет людей принять другую.

Она вдруг отвернулась, и Мира поняла, что Лида сейчас видит не библиотеку.

Она видит свою квартиру в Припяти. Кухню с клеёнкой в мелкие цветы. Отца, который поздно возвращается с работы и долго моет руки, прежде чем сесть за стол. Его усталое лицо, когда он говорит матери: «На щитовой всё нормально. Пока нормально».

Мира хотела положить ладонь ей на плечо, но не успела.

Из коридора донёсся звук открывшейся двери.

Анна Николаевна замерла.

Елена Павловна быстро собрала карточки, но одна из них выпала на пол. Андрей наклонился за ней раньше всех.

Это была не карточка.

Тонкая вырезка из серой бумаги — точно такой же, как страницы книги, спрятанной у Миры в лагере.

На ней стояла дата:

26 АПРЕЛЯ 1986 ГОДА

Ниже — одна строка.

КОГДА ДВЕРЬ ОТКРОЕТСЯ, НЕ ВЕРЬТЕ ТОМУ, КТО СКАЖЕТ: «ВСЁ ПОД КОНТРОЛЕМ».

А под строкой — свежий след от чёрной типографской краски.

Будто кто-то напечатал её всего несколько минут назад.

Глава 4. Третий этаж

Серая полоска бумаги лежала на ладони Андрея так, словно весила не больше пёрышка. Но никто не пытался её взять.

Дата — **26 апреля 1986 года** — была напечатана слишком ровно, слишком чётко. Не чернилами, не карандашом. Чёрной машинописной лентой, ещё влажной на вид. Мира знала этот оттенок: такой оставляла старая «Ятрань» в библиотеке, когда мама меняла ленту и несколько минут оттирала пальцы одеколоном.

Только машинка стояла в служебной комнате за запертой дверью.

И никто из них туда не заходил.

— Дай сюда, — сказала Елена Павловна.

Андрей не пошевелился.

— Андрей.

Он посмотрел на Миру, потом на Лиду. Будто спрашивал разрешения не у взрослых, а у них. Лишь после этого медленно отдал листок.

Елена Павловна прочла фразу, и её лицо стало неподвижным.

Когда дверь откроется, не верьте тому, кто скажет: «Всё под контролем».

— Это чья-то дурная шутка, — сказала она.

Но прозвучало это неубедительно.

Анна Николаевна сняла очки, протёрла их платком и снова надела. Её сухие пальцы дрожали.

— Шутки не знают даты, — тихо заметила она.

— Достаточно, — резко сказала Елена Павловна. — Дети возвращаются в лагерь.

— Мама...

— Никаких «мама». Ты нашла непонятную вещь, привела троих ребят в библиотеку, полезла в служебный каталог, а теперь у тебя в руках бумага с датой, до которой почти год. Я не знаю, кто это делает и зачем. Но я знаю, что взрослые должны остановить это раньше, чем станет поздно.

Мира почувствовала, как внутри поднимается знакомая злость.

Не яркая, не шумная. Та, что всегда появлялась, когда взрослые говорили правильные слова, но от этого становилось ещё страшнее.

— А если взрослые уже знали? — спросила она.

Мать медленно повернулась к ней.

— Что ты сказала?

— Вольский. «Каскад». Карточка. Анна Николаевна сказала, что дети уже помогали ему. Потом один мальчик перестал разговаривать, а девочка исчезла вместе с родителями. Значит, кто-то взрослый всё знал.

— Мира, — произнесла Елена Павловна устало. — Ты не понимаешь, как устроен мир.

— Может, это вы не понимаете, как устроен этот мир?

Тишина в каталожном зале стала плотной.

Тудор отвёл глаза. Андрей застыл, опустив голову. Даже Лида, которая обычно отвечала быстро и прямо, не шевельнулась.

Мира сразу пожалела о сказанном.

Мать смотрела на неё долго. Не сердито. Хуже — так, будто между ними вдруг возникло стекло, и теперь каждая видела другую, но не могла коснуться.

— Возможно, — наконец сказала Елена Павловна, — ты права.

Она сложила серый листок вчетверо и убрала в сумку.

— Но ты не имеешь права рисковать собой ради этого.

— А если из-за этого рискуют другие?

Елена Павловна сжала губы.

Анна Николаевна подошла к каталожному шкафу и резко задвинула ящик с индексом **32.81**. Дерево глухо ударилось о раму.

— Лена, — сказала она, — уведи их. Сейчас же.

— Я вызову директора лагеря, — ответила Елена Павловна. — Пусть пришлют автобус или кого-нибудь из вожатых. Здесь дети подождут.

— Они не должны ждать здесь.

— Почему?

Анна Николаевна не ответила.

Она только посмотрела в сторону длинного коридора, ведущего к читальным залам. Там никого не было. Но Мире показалось, что за матовым стеклом одной из дверей прормелькнула тёмная фигура.

Елена Павловна ушла к служебному телефону.

Перед этим она строго велела не покидать вестибюль.

— Сядете на диван. Не выйдете на улицу. Никуда не пойдёте без меня. Я вернусь через пять минут.

— Мы поняли, — сказала Мира.

Мама задержала на ней взгляд.

— Я серьёзно.

Мира кивнула.

Когда мать скрылась за дверью с табличкой «Служебное помещение», Тудор выдохнул:

— Пять минут — это целая вечность.

— Даже не думай, — сказала Лида.

— Я ещё ничего не сказал.

— У тебя лицо такое, когда ты уже всё придумал.

Тудор посмотрел на неё с удивлением.

— У меня обычное лицо.

— Нет, — возразил Андрей. — У тебя лицо человека, который нашёл плохо закрытую дверь.

Это было так точно, что даже Мира едва не улыбнулась.

Тудор сунул руки в карманы брюк и сделал вид, будто обиделся.

— Не плохо закрытую дверь. Оставленную подсказку.

Он вытащил из кармана тонкую карточку.

Мира сразу узнала её — ту самую, без названия, с фразой о каскаде. Только теперь на обороте, которого они раньше не видели, были напечатаны ещё две строки.

ФОНТАННЫЙ ПЕРЕУЛОК, 8-А.

ТРЕТИЙ ЭТАЖ. ВТОРОЙ ШКАФ.

— Ты её взял? — прошептала Мира.

— Она лежала на столе.

— Анна Николаевна закрыла ящик!

— Вот именно. А эту карточку она не успела убрать.

— Это кража, — сказал Андрей.

— Это улика, — возразил Тудор.

— Это всё равно чужая вещь.

— Мы вернём.

— Когда? После того, как нас исключат из пионеров за самовольную прогулку?

Лида забрала карточку у Тудора, прочитала адрес.

— Дворец пионеров, — сказала она. — Он же совсем недалеко отсюда.

— Вот, — оживился Тудор. — Видите? Не надо никуда ехать. Просто зайдём, посмотрим на второй шкаф и вернёмся до того, как мама Миры договорит с лагерем.

Мира представила лицо Елены Павловны, если та выйдет и увидит пустой диван.

Она должна была сказать «нет».

Она знала это.

Но перед глазами снова всплыла строчка из серой книги.

Когда дверь откроется, не верьте тому, кто скажет: «Всё под контролем».

И в памяти вспыхнуло другое — совсем давнее.

Ей было семь. Они с мамой возвращались домой поздно вечером, несли пакеты с картошкой и молоком. На тротуаре стояли двое мужчин, говорили вполголоса. Один произнёс: «Не задавай вопросов, и всё будет нормально».

Тогда мама сжала Мирину руку так сильно, что пальцы заболели.

А ночью, думая, что дочь спит, сказала по телефону бабушке:

— Самое страшное — когда тебе обещают, что всё нормально, и ты хочешь поверить.

Мира поднялась с дивана.

— Десять минут, — сказала она. — Ни секундой больше.

Тудор улыбнулся.

— Я знал, что ты согласишься.

— Не знал. И если ты ещё раз скажешь что-нибудь подобное, я оставлю тебя в библиотеке.

Фонтанный переулок встретил их жарой, запахом липы и влажного камня.

После дождя Кишинёв всегда казался Мире другим городом. Чище, глубже, будто вместе с пылью с улиц смывали и привычность. В лужах отражались троллейбусные провода, фасады старых домов, красные буквы на вывесках. На углу женщина продавала стаканчики с квасом из жёлтой бочки. Рядом, под полосатым тентом, лежали горы абрикосов — золотистых, с румяными боками.

Лида остановилась у лотка.

— У нас абрикосы хуже, — сказала она.

— В Припяти? — спросил Андрей.

— Там они вообще не растут так. Мама покупает на рынке, когда кто-то привозит с юга. А здесь всё пахнет фруктами.

Продавщица улыбнулась:

— Бери, девочка. Сладкие, как мёд.

— У нас нет денег, — сказала Лида и тут же смутилась.

— У меня есть, — Мира достала из кармана мелочь, которую мама дала на мороженое.

— Не трать, — сказал Тудор.

— Это мои деньги.

Она купила четыре абрикоса. Они ели их на ходу, вытирая липкий сок о бумажные салфетки. На минуту всё стало почти обыкновенным: мальчишки спорили, кому досталась косточка с трещиной, Лида смеялась, Андрей пытался объяснить, что косточка не может приносить удачу, потому что вероятность не зависит от желания человека.

— Конечно зависит, — возразил Тудор. — Если я хочу, чтобы ты замолчал, вероятность повышается.

— Это не вероятность. Это угроза.

— А ты отличаешь?

— Пока да.

Городской Дворец пионеров и школьников стоял в глубине переуллка, за невысокой оградой. Светлое здание с широкими окнами и колоннами не походило на настоящий дворец — по крайней мере, на те дворцы, что были в сказках. Но в нём чувствовалось что-то торжественное: пионерские знамена в вестибюле, плакаты с фотографиями юных спортсменов, витрины с моделями кораблей и самолётов.

Над входом висела надпись:

УЧИТЬСЯ. ТВОРИТЬ. ПОБЕЖДАТЬ.

Из открытых окон второго этажа доносилась музыка. Кто-то разучивал на фортепиано одну и ту же трудную фразу; наверху репетировал хор. Во дворе мальчишки в белых рубашках запускали деревянные планеры. Один из них взлетел над клумбой, качнулся в воздухе и мягко опустился на траву.

Мира невольно задержалась.

Ей всегда нравился этот дворец. Когда она была маленькой, мама приводила её сюда на новогодние ёлки. Тогда лестницы казались огромными, а старшие пионеры в синих пилотках — почти взрослыми.

Теперь лестницы вели к тайнику.

И это меняло всё.

За столом у входа сидела вахтёрша — полная женщина в тёмном платье с белым воротничком. Перед ней лежали журнал посетителей, телефон и стакан с двумя карандашами.

Она подняла глаза на четверых подростков.

— Куда?

Тудор не замедлил шага.

— В кружок радиоэлектроники.

— Какой ещё кружок?

— На третий этаж.

Женщина посмотрела на их галстуки, на тетрадь Андрея, на Мирины белые гольфы, испачканные после дождя.

— Фамилии?

У Тудора на секунду дрогнули губы.

Мира почувствовала, как в животе неприятно сжалось.

— Чебан Мира, — быстро сказала она. — Из лагеря «Орбита». Нам сказали зайти к товарищу... — Она запнулась.

— К какому товарищу?

Андрей вдруг шагнул вперёд.

— К Лазареву, — сказал он.

Все повернулись к нему.

— К кому? — переспросила вахтёрша.

— К Сергею Павловичу Лазареву. По поводу выставки юных техников.

Он произнёс это так спокойно, что Мире почти захотелось ему поверить.

Женщина порылась в журнале, недовольно хмыкнула.

— Лазарев в отпуске.

Андрей замер.

— Но... нам сказали, что можно посмотреть кабинет.

— Смотреть будете после того, как вернётся. И вообще, кружки в июле по сокращённому расписанию. Пионерский лагерь — это вам не проходной двор.

Тудор уже открыл рот, но Лида вдруг уронила сумочку.

Она упала на пол, рассыпав несколько карандашей, расчёску и красный платок.

— Ой! — воскликнула Лида.

Вахтёрша машинально наклонилась помочь.

— Девочка, ну куда ты всё так...

Тудор не терял времени.

— Мы только посмотрим выставку! — сказал он. — Пять минут!

— Идите, — отмахнулась женщина, собирая карандаши. — Только на третий не лезьте.

Там кабинеты закрыты.

— Спасибо! — выпалил Тудор.

Они проскользнули к лестнице.

— На третий не лезьте, — прошептал он, когда они оказались за поворотом. — Прямо как в книжке.

— Ты соврал, — сказала Мира.

— Я не соврал. Я хотел попасть в кружок радиоэлектроники.

— А Лазарев?

Андрей остановился.

Его лицо побледнело.

— Я не знаю, почему так сказал.

— Ты придумал фамилию? — спросила Лида.

— Нет.

— Тогда откуда?

Андрей посмотрел на лестницу, уходящую вверх.

— Она пришла мне в голову сама.

Тудор попытался пошутить, но не смог.

— Ладно. Чем выше поднимаемся, тем больше хороших новостей.

На третьем этаже было тихо.

Шум музыки и детские голоса остались внизу. Здесь тянулся длинный коридор с высокими окнами. На стенах висели стенгазеты: «Юные конструкторы», «Ракета будущего», «Корабли, покорившие океан». В застеклённых витринах стояли модели спутников, электромоторы, корабли из тонких реек, макеты домов и городских площадей.

Одна витрина привлекла Тудора сразу.

В ней лежал старый радиоприёмник, разобранный на части, рядом — схема с лампами, проводами и стрелками. Подпись гласила:

«СИГНАЛ НЕ ИСЧЕЗАЕТ. ОН ЛИШЬ МЕНЯЕТ ФОРМУ».

— Это не для выставки, — тихо сказал Тудор.

— Почему? — спросила Мира.

Он наклонился ближе.

Под обычной подписью кто-то карандашом едва заметно дописал:

ЕСЛИ ЕГО ЕСТЬ КОМУ УСЛЫШАТЬ.

— Почерк как на карточке? — спросила Лида.

Тудор сравнил буквы с листком, который всё ещё держал в руке.

— Нет. Но мысль та же.

В конце коридора стояли три высоких шкафа. Первый был заставлен коробками с гуашью и рулонами ватмана. Во втором за стеклом лежали грамоты, кубки, медали и пыльные пионерские вымпелы. Третий был заперт; на его дверце висел новенький замок.

— Второй шкаф, — сказала Мира.

— Это он, — кивнул Тудор.

За стеклом в полумраке поблёскивали медали. На верхней полке стояла модель ракеты, сделанная из алюминия. На нижней — чёрная коробка, похожая на радиоприёмник без шкалы.

— Открыть нечем, — заметил Андрей.

Мира достала латунный диск.

— А этим?

На центральной металлической ручке шкафа был круглый узор — почти стёршийся, будто его много раз касались пальцами. Внутри круга — маленькая точка.

Нулевая дверь.

Тудор поднял на Миру глаза.

— Давай.

Диск вошёл в углубление так точно, словно был частью замка.

Сначала ничего не произошло.

Потом где-то внутри щёлкнула пружина.

Стеклянная дверца приоткрылась.

Лида задержала дыхание.

— Быстро, — прошептал Тудор.

Он осторожно снял с полки чёрную коробку. Она оказалась небольшой, с облупившимися уголками и без единой надписи. К ней был примотан изолентой короткий серый провод, заканчивавшийся штекером.

Под коробкой лежала кассета в прозрачном футляре.

На белой наклейке было написано от руки:

КАСКАД-0

ЗАПУСК ТОЛЬКО ПРИ ЧЕТЫРЁХ СВИДЕТЕЛЯХ

А ниже:

НЕ ОТВЕЧАТЬ ВМЕСТО ДРУГОГО.

— Четыре свидетеля, — прочла Лида.

— Нас четверо, — сказал Андрей.

— И это уже совсем не похоже на совпадение, — ответила Мира.

За их спинами тихо скрипнула дверь.

Все обернулись.

Коридор был пуст.

Но теперь они слышали шаги.

Кто-то поднимался по лестнице.

Кабинет радиоэлектроники оказался незаперт.

На дверце висела выцветшая табличка: «**КРУЖОК КИБЕРНЕТИКИ**». Под ней — маленькая бумажка с расписанием, где последняя строка была перечёркнута синими чернилами:

Руководитель: И. К. Вольский.

Тудор дёрнул ручку.

Дверь открылась.

Комната пахла пылью, нагретыми проводами и старым деревом. У стен стояли столы с паяльниками, коробками деталей, катушками провода. На доске виднелись недописанные формулы. В углу лежали плакаты с разрезами транзисторов и рисунком искусственного спутника Земли.

А на длинном столе у окна стояла она.

Небольшая электронная вычислительная машина в сером корпусе, с чёрными клавишами и маленьким экраном.

Тудор замер перед ней так, как другие замирают перед витриной с оружием или редкой маркой.

— «Электроника БК-0010», — прошептал он. — Настоящая.

— Это компьютер? — спросила Лида.

— Микро-ЭВМ, — поправил Тудор, почти благоговейно. — У дяди на заводе такие видел. Он говорил, что на них можно писать программы, рисовать, играть... ну, не то чтобы играть. Но можно.

— И считать, — добавил Андрей.

— Считать — главное. — Тудор провёл рукой над клавиатурой, не касаясь. — Машины не устают. Не обижаются. Не забывают.

— Зато могут ошибаться, — сказала Мира.

— Если им задали неправильную программу.

Андрей положил кассету рядом с магнитофоном, стоявшим возле компьютера.

— Значит, узнаем, что ей задали.

Тудор оглядел кабели.

— Это можно подключить. Нужен звук с кассеты. Программа загрузится через магнитофон.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Мира.

— «Юный техник». И один номер «Науки и жизни». Там была статья про домашние ЭВМ. Почти всё понятно, если читать медленно.

— Ты читаешь журналы медленно? — Лида приподняла бровь.

— Нет. Поэтому понятно не всё.

Шаги в коридоре стали ближе.

Тудор включил магнитофон, вставил кассету и подсоединил провод. Затем щёлкнул выключателем компьютера.

Экран вспыхнул зеленоватым светом.

В комнате стало слышно, как гудит трансформатор.

На экране возникла белая строка.

КАСКАД-0

Потом вторая.

МОДЕЛЬ НЕ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ БУДУЩЕЕ.

МОДЕЛЬ ПОКАЗЫВАЕТ ЦЕНУ РЕШЕНИЯ.

Тудор медленно выпрямился.

— Это программа, — сказал он. — Просто программа.

— Ты сам в это веришь? — спросила Мира.

Он не успел ответить.

Магнитофон щёлкнул, и из него полился высокий шорох — ровный, неприятный, похожий на далёкий ветер в проводах. Экран мигнул.

СВИДЕТЕЛЬ 1: МИРА ЧЕБАН

СВИДЕТЕЛЬ 2: ТУДОР БАЛАН

СВИДЕТЕЛЬ 3: АНДРЕЙ КОВАЛЬ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.